

Vivos VOCO (Зову живых!)

Светлана Ковальчук

22 года из жизни ученого: цивилист Василий Синайский в Латвии

Viņš laiku pa laikam atgādināja romiešu atziņu:
les est ars boni et aequi –
tiesības ir zinātne (burtiski — māksla) par labo un taisnīgo.

L. Birziņa

Не в речах, не в мыслях, а в деяниях,
в жизни я вижу его истинное величие.

«Сиддхартха» Г. Гессе

Долгие годы имя профессора В.И. Синайского отсутствовало в научном обороте, было предано забвению. Только благодаря содействию дочери профессора Наталии Васильевны Синайской-Лапа (1914–2006) в «Записках» Русской академической группы в США в 80-х годах прошлого столетия публиковались материалы из архива ученого¹. В 1988 году знаток русской эмигрантской литературы Темира Пахмусс поместила в своем исследовании сведения о профессоре как поэте и вынесла на суд широкой публики английский перевод его стихов². В Латвии о Василии Ивановиче Синайском вновь заговорил только в 1989 году, когда проф. Латвийского университета Лина Бирзиня (1910–2007) опубликовала брошюру о своем любимом профессоре.³ 20 лет тому назад многочисленные публикации, воспоминания, радио и телеинтервью постепенно «наводили мосты» с прошлым. Но, несомненно, основным событием в этом процессе возвращения из «забытья и забвения» ярких имен латвийской российской эмиграции 1920-30-х годов стали приезды в Ригу бывших рижан. Дочь профессора В. И. Синайского приехала одной из первых.

Мы познакомились с Наталией Васильевной Синайской по телефону. В один из рабочих дней в начале февраля 1990 года я и коллега доктор философии Юрис Прикулис решились позвонить в Брюссель из канцелярии Института философии и права АН ЛССР. Предложили, не надеясь на положительный ответ, приехать в Ригу. И она, не раздумывая, согласилась. Тогда в Латвию, которой еще полтора года оставалось быть в составе СССР, проще было приехать по официальному вызову из академического института и ассоциации «Латвия и латвийцы в мире». Поводом для приглашения стала конференция, которую проводила ассоциация. Формальности с вызовом в ОВИРе быстро уладились. В марте 1990 года Наталия Васильевна после 46 лет отсутствия прилетела в Ригу. Ее визит вызвал широкий резонанс в латвийских газетах, журналах, на радио. Возвращение в Ригу Наталия Синайская восприняла как миссию, как возможность исполнить долг перед отцом: инициировала, финансово поддержала переиздания его трудов на русском и латышском языках. Имя ее отца стало известно многим⁴.

Василий Иванович Синайский (1876–1949) — профессор, заведующий кафедрой гражданского права Латвийского университета, специалист по римскому праву, исследователь различных аспектов культуры⁵.

К этому списку характеристик Василия Ивановича добавлю — активный автор многих латвийских периодических изданий на латышском и русском языках. Синайский легко писал, поэтому оставил после себя солидный список публикаций в популярных газетах «Сегодня», «Слово», в журналах «Tieslietu Ministrijas Vēstnesis» (Вестник министерства юстиции), «Jurists» (Юрист), «Daugava» (Даугава), а в энциклопедическом издании «Latviešu konversācijas vārdnīca» вел отдел римского права. Василий Иванович обладал гармоничным сочетанием неторопливости, вдумчивости кабинетного мыслителя и страстности, деловитости общественного деятеля, на счету которого успешное основание несколько общественных организаций. Редкое начинание на поприще русской, да и не только русской, культуры Риги тех лет обходилось без его деятельного участия. Личная дружба с художниками дали ему повод самому увлечься живописью и даже иконописью. Еще одним пристрастием профессора, оставшимся тайной для многих, была поэзия⁶.

Происходил Синайский из многодетной семьи сельского православного священника села Лаврово Тамбовской губернии. Несмотря на то, что в 14 лет остался круглым сиротой, сумел завершить в 1897 году обучение в Духовной семинарии в Липецке. Пастырем душ человеческих, т. е. священником, он не стал. Но служению на благо людей была посвящена вся его жизнь. Сначала он избирает медицину, для чего отправляется во Францию в город Монпелье, но стесненные материальные условия вынуждают вернуться в Россию. В 1899 году он поступает в Юрьевский университет на юридический факультет. После блестящей защиты дипломной работы в 1904 году Синайскому открывается возможность научной и педагогической работы при кафедре Римского права. Его научной работой руководил профессор Е. В. Пассек. Будучи еще молодым юристом, пробовал себя в адвокатуре, но эта прикладная область права так и не стала близка ему⁷. В 1907 году становится приват-доцентом Юрьевского университета, читает лекции по гражданскому праву. В декабре 1908 года блестяще защищает магистерскую диссертацию по древнеримскому

праву. Молодого ученого в 1910\1911 учебном году приглашают в Варшавский университет, а с осени 1911 года Синайский преподает в университете Святого Владимира в Киеве. Одиннадцатилетнее пребывание в Киеве оставило глубокий след в жизни Василия Синайского. В 1913 году защитил докторскую диссертацию «Очерки из истории землевладения и права в Древнем Риме», вскоре был избран ординарным профессором кафедры гражданского права университета, состоялись публикации серьезных трудов по цивилистике⁸. Синайскому присвоили личное дворянство за особые заслуги перед российской наукой. И, наконец, обрел личное счастье — женился на Ксении Гегелло, в начале 1914 года родилась единственная дочь Наталия. Как писала в своих воспоминаниях Н. В. Синайская, ее отец в 1917 году в Киеве основал Юридический институт, который позже был преобразован в Социологический, где наряду с юридическими предметами читал курс социологии⁹. В 1922 году летом проф. Синайскому с семьей удалось выехать из Советского Союза. Осенью того же года он на долгие годы возглавил кафедру гражданского права Латвийского университета, активно читал лекции, вел научные семинары со студентами и молодыми специалистами. Со стилем преподавания профессора студенты знакомились не только в стенах ЛУ, он преподавал на Русских университетских курсах¹⁰, в Народном университете, в Институте практических знаний. Еще в начале 90-х годов прошлого столетия можно было встретить студентов, вспоминая проф. Синайского как человека разносторонних и глубоких познаний, которому был свойственен жизнеутверждающий оптимизм, глубокая религиозность, уважение к человеческому достоинству, мудрая простота и доступность в общении.

В Риге деятельной, творческой натуре Василия Ивановича открылся поистине полный простор. Молодое демократическое государство внушало уважение и доверие, он находился в гуще общественной жизни. Своими знаниями он старался укрепить его правовой фундамент — предлагал проект создания в Латвии гражданско-правового общества, активно обсуждал в печати, в научных собраниях насущные проблемы латвийского законодательства, участвовал в разработке нового гражданского кодекса, принятого в 1937 году, редактировал с 1928 по 1940 год на латышском языке юридический журнал «Jurists».

Общественная деятельность

Профессор был неутомимым общественным деятелем, генератором идей и щедрым жертвователем на благие начинания. Он стоял у истоков создания и был руководителем Академического общества общественных наук Латвийского университета (Latvijas universitātes Akadēmiskā Sabiedrisko Zinātņu biedrība). На рубеже 1927/28 годов Василий Иванович стал хлопотать о создании Общества по содействию развития общественных знаний «Aequitas» (Sabiedrisko zinātņu veicināšanas biedrība «Aequitas»). Цель создания общества — учредить печатное издание на латышском языке «Jurists» (Юрист). Это издание с годами заняло свою особую нишу наряду с выходившими в Латвии журналами «Tieslietu Ministrijas Vēstnesis» (Вестник министерства

юстиции), журналом немецкого юридического общества «Rigasche Zeitschrift für Rechtswissenschaft», журналом Русского юридического общества «Закон и Суд». Любопытно, что не все юридические общества имели свои печатные издания: Еврейское юридическое общество, Рижское юридическое общество, Союз латвийских адвокатов, Латвийское общество юристов печатных изданий не имели. Общество «Aequitas» заседало на Дзирнаву, 15-а, в квартире № 15, в которой проживала семья Синайских¹¹, и на улице Базницас, 5, в университетском кабинете профессора. В марте 1939 года общество прошло перерегистрацию, обновило Устав и стало именоваться Обществом Латвийского университета по содействию развития гражданского права «Aequitas» (Latvijas universitātes civiltiesību zinātņu veicināšanas biedrība «Aequitas»). На излете существования общества его председательский пост занял профессор Константин Чаксте, а его заместителем стал профессор В. Синайский. В правление общества входили мировой судья Петерис Кикутс, доцент Волдемар Калныньш, старший ассистент Александр Паварс, доцент Петерис Леиньш, присяжный адвокат Феликс Лукин, член военного суда полковник Алфред Линде. Это общество было окончательно ликвидировано только в начале 1941. На счету общества оставалась сумма 1946, 50 копеек, которую ликвидаторы частично передали на нужды библиотеки Экономически-юридического факультета, туда же передали оставшиеся экземпляры журнала «Jurists».

В 1929 году русские юристы создали «Русское юридическое общество Латвии», его председателем был избран известный петербургский адвокат Оскар Осипович Грузенберг. Вскоре увидел свет единственный в русском зарубежье юридический журнал «Закон и Суд»¹². Проф. Синайский стал членом общества, печатался в журнале общества, а после отъезда из Латвии осенью 1931 года Грузенберга короткое время занял председательский пост в нем¹³.

Известно, что помимо гражданского и римского права, Синайский живо и глубоко интересовался вопросами культуры. Молодой художник Е.Е. Климов стал инициатором создания Общества ревнителей искусства и старины «Акрополь», а председателем стал Василий Иванович. В Латвийском государственном историческом архиве в фонде Министерства по общественным делам находятся дела общества «Акрополь» (Mākslas un Senātnes cienītāju biedrības «Akropole»), которое начало свою работу осенью 1932 года. Юридический адрес общества значился бульвар Райниса 5, кв. 6. И так, председателем правления был избран проф. Синайский, секретарем общества стал Евгений Климов, кассиром — Леопольд Шульц, членами правления значились Сергей Антонови Георгий Рыковский. Ревизионная комиссия общества «Акрополь» состояла из Марка Вайнтроба, Константина Климова, Эрика Прэна. В разные годы председательское кресло занимали Леопольд Шульц, Сергей Антонов. Активными членами были художник Маврикий Якоби, Леонид Остроухов, Николай Андабурский. В Уставе общества было подчеркнуто следующее — объединить художников, почитателей искусства и старины, распространять в широких массах понимание искусства и старины. Общество взяло на себя обязанность организацию публичных и закрытых выставок, курсов, лекций, библиотек

и читален, издание книг. Общество предполагало выделение стипендий художникам и исследователям старины, не являющимися членами общества. Проф. Синайский и архитектор Антонов финансировали деятельность общества. Из многих заявленных начинаний общества, конечно же, стали выставки. Сколько их прошло точно установить трудно, но в библиотеке Национального художественного музея можно увидеть каталог выставки, которую провело общество «Акрополь». С 4 по 18 декабря 1932 года в Риге успешно прошла большая выставка Русской живописи двух последних столетий, показавшей во всем многообразии шедевры русской классической живописи. Общество просуществовало менее 6 лет. И когда в начале лета 1938 года его пришлось ликвидировать, архивные документы свидетельствуют, что 339 латов к тому времени было выдано в виде стипендий различным художникам. Главные меценаты общества «Акрополь» отказались от предъявления претензий по возврату этой суммы. Профессор неоднократно бывал в научных командировках во многих европейских странах, состоял членом престижных научных обществ США, Италии, Франции. Свободное владение многими языками позволяли ему писать и публиковать научные работы не только на латышском и русском, но и немецком, французском, английском, итальянском.

Научные искания

Не претендуя на всесторонний, полный и глубокий анализ научных исканий Синайского, попытаюсь дать свое видение его мировоззренческой позиции в качестве главного редактора журнала «Jurists». Кредо журнала и его главного редактора было сформулировано коротко: Без права нет культуры, без культуры нет истинной жизни. Эта емкая фраза характеризовала научные интересы Синайского-редактора как ведущего специалиста в области гражданского права, знатока римского права, пытливого исследователя, который, ради глубокого, всеобъемлющего осмысления, понимания функционирования правовой системы в социуме, обращался к разным отраслям человеческого знания — истории, истории культуры, философии, фольклору, лингвистике, психологии, антропологии.

Первое, что мне всегда вспоминается при чтении разнообразных трудов Василия Ивановича, так это его первая специализация. В Дерптском университете им были получены основательные знания в рамках франко-германской правовой системы, он был проникнут ее духом. И как профессионал уже значительно позже выстраивал свою позицию в науке гражданского права в диалоге и в критике — Г. Еллинека, Г. Кельзена, Р. Иеринга, Л. Дюги, В. Хедемана и др. Да, он стал блестящим цивилистом своего времени. Но оставался всегда специалистом и в области римского права, которому и были посвящены его первые научные труды. Знания романистики давали прочный фундамент для научных исканий в цивилистике: Синайский находил в прошлом гражданского права прочный фундамент, каждый раз убеждался в его добротности, стремился теоретически осмыслить соотношение с ним того, что существует в настоящем гражданского права, и затем предположить, каким

должно быть будущее гражданского права, чтобы оно устояло на древнем фундаменте цивилистических принципов, служило развитию человечества соответственно «высшим идеалам». Замечу, что знание римского права, истории Древнего Рима стало образцом для выстраивания научных концепций вне юридического знания, возможно, отражалось и на социально-политических предпочтениях ученого. Вспомнил проф. Синайский о римском праве и при выборе названия юридического общества, ставшего официальным издателем журнала «Jurists». Оно было названо «Aequitas» — справедливость, принципиально важным для римского права термином. Позволю себе разъяснить читателям суть и смысл термина *aequitas* для римской правовой системы, служившей и камертоном при осмыслении норм позитивного права, также восполнявшего своим присутствием нормы действовавшего римского права. Российская наука имела немало маститых романистов «первого эшелона» — И.А. Покровский, Д.Д. Grimm, М.Я. Пергамент, В. Юшкевич, В. фон Зеелер и др. Но сошлюсь на размышления известного Берлинского профессора римского права Теодора Киппа (1862–1931) из недавно переизданной книги, в которой он писал: «Ни одно из самых блестящих положений римского права не обеспечивало за ним в такой мере право на бессмертие, как его отношение к *aequitas*. *Aequitas* (*aequus, bonum et aequum*) есть прежде всего нравственное понятие, означающее справедливость, правильность. Представляя с субъективной стороны лишь известную добродетель, *aequitas* в то же время определяло содержание норм. Право признавалось естественным, когда в нем видели нечто всеобщее, неизменно правильное и справедливое, и сама справедливость нередко называлась естественной. Право не совпадает с *aequitas*. Оно стремится привести свое содержание в соответствие с требованиями *aequitas*, с этими же требованиями соотносятся при интерпретации и применении права. *Aequitas* служит масштабом для критики существующего права»¹⁴. Редактор издания «Jurists» тем самым предлагал и в латвийской юридической практике исходить из этого понятия «*aequitas*» — справедливость.

В публикациях в журнале, в лекциях проф. Синайский неизменно проводил мысль о том, что грандиозное римское право рождалось в процессе исторического развития и стало суммирующим результатом позитивных норм различных публичных и гражданско-правовых сообществ Древнего Рима¹⁵. Теократическое устройство жизни в Древнем Риме давало превосходство божественного права, бдительно охранявшегося жрецами, над светским правом. Соответственно, в светском римском праве различались несколько слоев, и самый древний слой — квинтское право¹⁶, имевшее сакрально-военное значение.

Уважение Синайского к духу и букве квинтского (римского) права было столь сильным, что побывав в научной экспедиции у донских казаков, опубликовал в Киеве в 1915 году исследование «Древнеримская община в сравнении с казачьей общиной». В интерпретации текстов латышского фольклора, народных песен профессор использовал модель древнеримской общины: ученый усматривал в них убедительные аргументы в пользу того, что древним жителям Латвии было характерно социаль-

но-политическое устройство, напоминавшее сакрально-политическое квинтское братство. (См. более подробно статью В. И. Синайского «Древнее общественное устройство у латышей в отражении народных песен».)

Не могу умолчать еще одной аллюзии, с намека Синайского на римское право. Ценя дух свободы и права человека, профессор никогда не рассматривал право как прикладную, буквалистскую дисциплину, некое собрание принудительных со стороны государственной машины законов. Синайский — рыцарь права, придал науке, которой он служил, благородную миссию, и возвысил до особого сословия в государстве не политиков, экономистов, военных или философов, а сословие юристов. Возвысил не только по причине их профессионального авторитета в обществе, но в качестве хранителей законности и культуры¹⁷. Ученый полагал, что именно сословие юристов, а не интеллигенции вообще, должно преимущественно выделяться в обществе не только профессионально, а в качестве нравственного, культурного образца, главное, гарантов государственной стабильности. Он много писал статей на эту тему, обращался к коллегам-юристам с целью возбудить дискуссию по этой теме. Для примера назову статью из журнала «Jurists» «Likumu vienlīdzība un sliktis pilsonis» (Равенство законов и плохой гражданин) за 1928 год № 4. Лейтмотивом статьи стало размышление Синайского о случаях вольного обращения самих юристов с законом, об отсутствии в современном обществе гражданской цензуры подобно той, которая существовала у римлян. «Современная юриспруденция измелечала не только в своей науке, но и в своей практике: все подчинено обыкновенному казусу, случаю, без возведения его к первоосновам юриспруденции, — *aequitas* в особенности»¹⁸.

К тому же Василий Иванович был и оставался сыном русской культуры с ее особым отношением к проблемам права. Подчас против желания самого Синайского его знания в области римского права и франко-германской правовой системы вступали в конфликт с дефицитом правопонимания в русской культуре вообще, философии права, русской философии, в частности. Как известно, этот дефицит правопонимания восполнялся этикоцентризмом. В грехе этикоцентризма «повинны» многие. Вот некоторые имена: Федор Достоевский по возвращении с каторги обратился к исследованиям глубин человеческой сущности, а не стал рассчитываться с государством, избличая его в грехах. Владимир Соловьев размышлял о нравственном подходе к жизни, но одновременно развивал в труде «Оправдание добра» идеи социального либерализма, где говорилось об обязанности государства гарантировать «право человека на достойное существование», уважать независимость личности¹⁹. Наконец, Лев Толстой, который, проучившись несколько лет на юридическом факультете, объявил право мертвым знанием, в этическом учении предложил не противиться злу — насилием. Подчеркну, этикоцентризм их проповеди усугублялся дефицитом правосознания в национальном русском сознании, в котором отсутствовало должное уважение к индивидуальной нравственной самостоятельности (автономии), наблюдалось упорное

сопротивление идее примата *aequitas* — справедливости над состраданием. Уж такова особенность русского национального сознания — торжество справедливости отодвигалось на второй план, уступало место состраданию.

В России до известного времени наблюдался скорее публицистический интерес к праву (П. Чаадаев, А. Радищев, Н. Карамзин). Фактически юрист Константин Кавелин поставил вопрос о нигилистическом отношении в России к правам и свободам личности, к правовым ценностям и к праву вообще. Позже Борис Чичерин стал зачинателем и виднейшим представителем русского либерализма — учения о безусловной и абсолютной ценности жизни, свободы и независимости человека в его связи с государством и обществом, правах человека и необходимых, неукоснительно исполняемых им обязанностях. Нельзя не назвать еще несколько важных имен. Петербургский профессор Леон Петражицкий (1867–1931), основатель школы правовой психологии, социологии права, исходил из задачи возрождения естественного права как науки о правовом регулировании человеческого поведения. В этом он усматривал один из путей духовно-практического способа совершенствования отношений в обществе, поскольку право способно влиять на социокультурную среду, но и само оно выступает как ее продукт. Цель развития права, по Петражицкому, «нравственное совершенство человечества». Лидер так называемой Московской школы права — Павел Новгородцев (1866–1924), с позиций этического идеализма отстаивал взаимную несводимость права и нравственности и устанавливал их связь на почве естественно-правовой идеи. Естественное право он истолковывал как вечное неотъемлемое право личности, имеющее нравственную природу и абсолютную ценность. Добавлю имя Богдана Кистяковского (1868–1920). Он отстаивал преобразование идеологии либерализма в «правовой социализм». Свое личное видение проблем развития России он изложил в сборнике «Вехи» (1909) в статье «В защиту права. Интеллигенция и правосознание», в которой связал специфику исторической эволюции страны со слабым развитием правового сознания у русского народа и интеллигенции, отсутствием уважения и веры в силу закона. Задача всей русской интеллигенции — создать правовые идеалы и внедрить их в народное сознание, «право — по преимуществу социальная система, и притом единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом: дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком — тождественные понятия»²⁰. Философ и правовед Сергей Гессен (1887–1950) объединил в своем учении разные направления, подвел итог русской либеральной традиции естественного права.

С этими авторами у цивилиста Синайского не имелось принципиальных интеллектуальных разногласий, хотя и не со всеми был полностью солидарен. Он искал свой путь согласования позитивного и естественного права, прав человека, и по прибытию в Латвию вскоре предложил свои теоретические размышления о путях практического осуществления гражданско-правового общества в молодом демократическом государстве²¹.

Проф. ЛУ Лина Бирзиня, некогда студентка профессора

Синайского, в своих воспоминаниях упрекала учителя в налете морализма, так сказать, этикоцентризма. Но упертым, поверхностным моралистом в теоретических построениях он явно не был. Напротив, старался морализм преодолеть — прививал идею ценности права наряду с моралью и религией, осознавал относительность права, зависимость права от экономических и социальных условий в обществе. Оставаясь глубоко религиозным человеком, профессор наблюдал уменьшение в жизни человека значения религии — христианства: европейская культура, выросшая на христианских ценностях, в последние столетия постепенно утрачивала их. Процесс эмансипации европейской культуры от религиозных ценностей зашел столь далеко, что она лишилась основы европейской культуры — христианства — стала ее составной частью. Несомненно, эмансипация человеческого разума от религиозных оков, породила великие ценности — философию, науку. Синайский под псевдонимом Jurists в передовой статье журнала «Jurists» в 1928 году развивал эту тему: «В 1600 году был сожжен в Риме один из провозвестников новой эпохи — свободной, светской мысли, — Джордано Бруно. Инквизиция пыталась преградить освободительное течение. С того времени прошло более, чем 300 лет. Освобожденная мысль дала человеку великие возможности. (...) Но освобожденная мысль уничтожила вместе с тем покой, превратив всю нашу жизнь в сплошное движение. (...) Единственная защита от всех разрушительных сил человеческого ума, это нравственная сила, но она подавлена и отстала в своем развитии. Массы во многих отношениях деморализованы, и таким образом, современная культура стоит перед огромной катастрофой, готовой обрушиться на нее в любой, подходящий для того момент. (...) Человечество инстинктивно чувствует, что час гибели близится. (...) Человечество стоит перед началом новой эпохи, созидательной или разрушительной, в зависимости от того, сумеют ли люди и в частности юристы поднять моральные силы современного общества.»²²

Да, «гипертрофия ума вызвала паралич сердца», — говорил профессор. Современная мораль почти освободилась от 10 заповедей и Нагорной проповеди, т.е. от «вечной правды». Скепсис Синайского здесь созвучен пафосу критицизма Отто Шпенглера, его знаменитому труду «Закат Европы». Морфология культуры Шпенглера сообщила Западнему миру, что он неудержимо клонится к закату: по убеждению Шпенглера, рационалистическая цивилизация, идущая по пути материально-технического развития, означает деградацию высших духовных ценностей культуры, обреченной в итоге на гибель. К примеру, Синайский во многих статьях размышлял о соотношении культуры (становящейся) и цивилизации (культуры ставшей, идущей к своему логическому завершению). Если бы человечество шло по пути развития культуры, образования по пути развития духовных возможностей человека, то человеческая личность все менее нуждалась бы в праве как факторе воздействия коллективной воли. И в этом случае возможно было бы отказаться от нормативизма права. Но путь цивилизации — путь внешней культурности привлек человечество. В ней, цивилизации, невозможно реализовать

идею «вечной правды», которая оборачивается демистификацией религиозных принципов, питающих мораль. Размышление завершалось следующими словами: «В этом, между прочим, и заключается большая разница в праве прошлого и настоящего, одно право (моральность, духовность) основано на вечной правде и второе право (права человека) опирается, главным образом, на человеческую волю (человеческую правду)»²³. Именно цивилизация рождает то, что в европейском праве именуется естественным правом, правом, отстаивающим и требующим соблюдения прав человека. В период цивилизации неуклонно нарастает риск коллизии между позитивным и естественным правом. Это оценивалось Синайским как наиболее сложный период, ввиду нарастания влияния человеческой воли, а значит человеческой, фрагментарной правды.

Но как бы сложно не воспринимал ученый состояние правосознания в современной ему культуре (читай, цивилизации), в обществе, Синайский-цивилист в научных, популярных публикациях, в создании нового гражданского кодекса неустанно искал компромисс между позитивным правом, буквой закона и правами человека²⁴. Поиски компромисса, согласования разных позиций начались, между прочим, еще в первых серьезных публикациях. Одна из них состоялась в пору его преподавательской деятельности в Варшавском университете. В 1911 году увидела свет книга Василия Ивановича «История источников римского права», в которой молодой ученый уже тогда писал: «Идея естественного права была видоизмененной идеей гражданской, народной справедливости, т.е. справедливости, осуществленной в отношениях членов одной и той же гражданской общины»²⁵. О его позиции как правоведа, искавшего срединный, компромиссный путь между естественным и позитивным правом, мне довелось уже писать²⁶.

И если вооружиться терминологией современной философии права, то Синайский исповедовал либертатно-юридический тип правопонимания, тип компромисса и согласования позитивного и естественного права²⁷. Право, в частности гражданское право, для ученого, «не есть норма, которая защищается государственной силой». Профессор не раз писал об этом: «Сила, как элемент права, не характерна для понятия права как культурной ценности. Сила права не в возможности внешнего принуждения, но в культурной осознанности его самими людьми и данным гражданским обществом. Те случаи, когда право поддерживается внешней силой, ненормально, это болезненное состояние права в гражданском обществе, и, как ненормальное, оно не может быть существенно для самого понятия права»²⁸.

Многу бегло рассмотрена лишь незначительная часть публикаций Синайского, осуществленных им за годы жизни в Латвии. Перечислим некоторые направления профессора, требующие в будущем углубленного анализа. Как пылкий ученый Синайский постоянно на протяжении многих лет выходил за пределы юридического знания, углублялся в смежные науки, чтобы понять, что же такое человек. Профессор словно воплощал в реальность известную фразу Ф.М. Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать». Новая власть в России не убедила его в способности радикально преобразить человека, выявить в нем самые

лучшие черты. Поэтому проблема человека, которую ученый не раз исследовал в статьях, стала главной темой в монографии «Жизнь и человек» (Рига, 1938), вышедшей на латышском и русском языках. Наряду с проблемой человека отдельной статьи (статей) потребуют в будущем и анализ изысканий ученого в области латышского и русского фольклора, древней культуры и влияния языка, этнической культуры на правовое сознание, правопорядок²⁹.

Издательская деятельность

Итак, 22 марта 1928 года из типографии были получены первые экземпляры нового периодического издания «Jurists»³⁰. В первом номере журнала были обнародованы цели и задачи нового издания — распространять среди читающей аудитории знания, но особенно юридические. Главный редактор, редакция и члены общества «Aequitas» лелеяли надежду, что новое юридическое издание найдет сочувствие у тех, кому дорого право и идеалы большой культуры. Редакционная коллегия издания поставила себе задачу активно совершенствовать законодательство, особенно в области гражданского права не столько путем обсуждения очередного законопроекта, сколько предлагая основополагающие принципы для законопроектов. Иначе говоря, журнал «Jurists» сформулировал главный приоритет своей деятельности — служить практике, научно изучать латвийскую судебную практику, особенно работу Сената, публиковать комментарии по спорным и наиболее интересным решениям Сената³¹. В издании журнала профессору в разные годы помогали молодые талантливые юристы — Константин Чаксте, Николай Винзарайс, Александр Паварс, Лотар Шульц, Карлис Викманис. Круг авторов журнала был очень широк, их высокий профессиональный опыт позволял не только обсуждать разнообразные специальные юридические вопросы, но и углубляться в тонкости политических, социальных, философских проблем. Профессора Латвийского университета А. Лебер, А. Буманис, сенатор П. Лейтан, известные рижские адвокаты А. Русис, К. Луббе, Ф. Лукин, Я. Кеманис, А. Страусманис, Я. Шмит, В. Холцманис, Д. и М. Эльяшovy, Х. и М. Хилманисы и многие другие стали авторами публикаций. Разнообразие опыта, подходов к анализу, решению профессиональных проблем, предлагавшихся авторами статей, и был заложен успех журнала среди специалистов и широкой читающей аудитории.

Среди авторов издания был министр юстиции Херманис Апситис, который размышлял о том, что такое государственное и общественное имущество, рассматривал актуальные вопросы уголовного права (проблему преждевременного освобождения из под стражи), анализировал правовой статус прокуратуры и т.д. Профессор Владимир Буковский опубликовал статьи по правовой системе Японии, тематике гражданского процесса — наследственному праву. Многолетний декан факультета Народного хозяйства и права ЛУ Карлис Дишлерс в опубликованных 8 работах анализировал проблемы проведения референдума согласно Конституции Латвийского государства, правовой статус избирательной комиссии, значение *locus standi*, т.е. субъективного интереса в административном процессе.

Петр Якоби³² — известный юрист, консультант Министерства юстиции, деятельный участник Русского юридического общества в Латвии, редактор журнала «Закон и Суд» стал активным автором журнала, уступавшим по количеству публикаций в издании «Jurists» только проф. Синайскому. Петр Николаевич был участником разработки Уголовного закона 1933 года и в своих статьях подробно информировал читателей о ходе развития обсуждения закона, его нововведениях, комментировал и разъяснял волю законодателей. Якоби прояснял также вопросы дисциплинарной ответственности, анализировал различные стороны уголовного процесса (правовое урегулирование вопроса о процессуальных действиях с вещественными доказательствами, о проблемах исполнения приговора). К тому же, Якоби в 1935 году в журналах «Tieslietu Ministrijas Vēstnesis», «Jurists» обнародовал критический анализ Уголовного законодательства Германии, принятого в угоду национал-социалистических идей, но в ущерб правам и достоинству индивида.

Рудольф фон Фрейман — петербуржец, до прихода к власти большевиков в 1917 году был членом Сената юридического департамента. В Риге основал Немецкое юридическое общество, возглавил редакцию немецкого юридического журнала «Rigasche Zeitschrift für Rechtswissenschaft». Сенатор также проявил солидарность и принял участие в работе издания «Jurists». Предложил для публичного обсуждения вопрос о присуждении иностранных наград и порядке их ношения.

Сенатор Я. Калац обращался к вопросам действительности государственного надзора за городскими управами в Латвии, анализировал общие вопросы административного права Латвии, например, понимание профессиональных прав судей, возможные конфликты интересов среди представителей судебной власти.

Профессора факультета права и народного хозяйства ЛУ Александр Круглевский и Пауль Минц предлагали читателям анализ некоторых статей уголовного закона, высказывали мнение о необходимой квалификации преступных деяний.

Миرون Крон — присяжный адвокат, активный общественный деятель, анализировал вопросы семейного и трудового права, также рассматривал вопросы международного гражданского процесса (например, выполнения приговора, вынесенного судом иного государства, проблему признания документов, изданных и заверенных в других государствах, и возможные правовые действия с ними в Латвии и т.д.).

Влиятельный адвокат Георг Рубинштейн³³ на страницах издания предложил анализ практических вопросов гражданского процесса: порядок исполнения приговора, вопросы объявления неплатежеспособности. Также им были проанализированы проблемы вещественного права (например, залога), права на земельную собственность (в то время, например, был актуален вопрос о разделе поместий), вопрос о разделе имущества супругов в семейном праве.

Ведущий историк права ЛУ профессор Арвед Швабе публиковал статьи о специальных вопросах истории права Латвии, например, о решении Клавдия Тота в сентябре 1672 года о крепостных Видземе.

Анатолий Угрюмов — генерал-майор и военный прокурор царской армии, ставший в начале 1920-х годов

приват-доцентом ЛУ, анализировал вопросы иммунитета депутата в контексте конституционной системы Латвии.

Тема соотношения права, морали и религии увлекала Синайского. На протяжении всего времени существования журнала несколько авторов обращались к ней. Первым откликнулся философ, общественный деятель, приват-доцент Русских университетских знаний Марк Вайнтроб. Были опубликованы его статьи о Фихте, Спинозе и их понимании государства и права. Третья статья Вайнтроба называлась «Tiesību ētiskā izpratne» (Этическое понимание права). В ней философ писал: «Воспитательная роль права это только изгородь, ограждающая чисто этическое воспитание. В этом и заключается непреходящая роль права для человека». Право порождает равновесие в обществе, научает самоконтролю. «На языке этики о ценности человеческой жизни можно говорить с моральным самосознанием человека». Язык права понимает уже и чувственная сфера человека, стремящаяся избежать страданий. Человек, как утверждал Вайнтроб, способен изменить поведение под угрозой наказания, «которое назначено в инобытии»³⁴. Темы взаимоотношения этики и права, позитивного и естественного права стали предметом нескольких публикаций в журнале «Jurists» магистра философии и магистра права Лотара Шульца³⁵.

В нескольких номерах издания 1936 — 1937 годах младший научный сотрудник кафедры философии права ЛУ Роман Зиле поместил статью «Проблема целостности и философия права», в которой дал анализ идей известного австрийского философа и социолога Отмара Шпанна.

Карлис Улманис и журнал «Jurists»

Затяжной кризис парламентской демократии Латвии был прекращен событиями 15/16 мая 1934 года, т.е. политическим переворотом Улманиса. Журнал «Jurists» спокойно реагировал на это событие. Еще весной 1934 года журнал реагировал на разразившийся кризис демократии в государстве: в двух номерах опубликовал объемный материал Роберта Акментиньша «Реформа Латвийской конституции». В статьях был дан подробный анализ неконструктивной, по мнению Акментиньша, обстановки в Сейме, вокруг обсуждения изменений в главах главного Закона государства. В заключении своей публикации Акментиньш написал: «Когда историки начнут исследовать причины, приведшие к событиям 15 и 16 мая, то для их понимания (...) необходимо будет обратить пристальное внимание на персональный состав бывшего Сейма, но особо на те элементы, которые провалили реформу Конституции. (...) Мы можем хорошо представить, что бы случилось, если 15 мая власть оказалась в руках столь безответственных за наше государство элементов»³⁶.

Журнал фактически поддерживал актуальную для того времени интерпретацию политической деятельности Карлиса Улманиса как человека, способного бескорыстно взять на себя политическую, гражданскую ответственность за положение в государстве. Не берусь однозначно ответить на вопрос, почему Синайский принял приход к власти Улманиса. Было ли это проявлением конформизма? Вредливый читатель, возможно, предложит мне быть после-

довательной, усмотреть и здесь некий намек из римской истории в том, что профессор принял узурпацию власти Улманисом. Да, коллеги-юристы из рижского русского юридического журнала «Закон и Суд» встали в оппозицию к перевороту 15/16 мая 1934 года. На страницах журнала они безбоязненно размышляли о том, что после Первой мировой войны в Европе оказалось много демократических государств, которые, едва избавившись от деспотии монархов, через небольшой период демократических преобразований вновь возвращались к деспотии, к диктатурам, к власти новой политической элиты, к идее государственного блага и его приоритета над благом индивидуума³⁷.

Но Синайский в оппозицию к Улманису не встал. Он был, в известной мере, несвободен, поскольку преподавал в Латвийском университете. Это, во-первых. Во-вторых, нельзя сбрасывать со счета личностные, профессиональные качества: редактор журнала «Jurists» был рыцарем права, служивший верно идее права *per se*. Приезд в молодую демократическую республику был сопряжен с желанием реализовать свои профессиональные идеалы, отдавать все свои знания государству, приютившему его с семьей. Не думаю, что Синайским руководило желание угодить Улманису, поскольку профессор понимал государство и силу политической власти как элемент светской культуры, не поддавался искушению так называемого византизма — не наделял власть атрибутами сакральности. Но даже по истечению нескольких лет после переворота 1934 года профессор не видел или, скорее, не желал замечать гримасы авторитаризма: планомерное наступление на демократические завоевания, введение цензуры, усиление националистической пропаганды и т.д.

И еще один важный штрих, дополнение. В своих политических пристрастиях профессор словно держал про себя размышление своего любимого писателя Федора Михайловича Достоевского: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных»³⁸. Новая власть в России не убедила его в способности радикально преобразить человека, выявить в нем самые лучшие черты. Да и в Латвии в период нарастающего экономического кризиса, кризиса парламентской демократии ощущалась настоятельная нужда в политическом лидере, способном взять ответственность и за государство, и за маленького человека. Им стал Карлис Улманис.

В 1937 году журнал начал испытывать материальные трудности, эти проблемы не прошли мимо Улманиса. Журналу был преподнесен на 10-летний юбилей 500-латовый подарок. В 1937 году в двоянном номере 7/8 журнал «Jurists» поместил небольшую статью под названием «Долг — это высший закон». В ней Улманис определил жизнь человека как миссию, призвание. «Иное толкование ошибочно. Смысл жизни для каждого человека озна-

чае — все способности, которыми наделила его природа, следует развивать и задействовать для всеобщего блага. Один найдет свое призвание в пробуждении нравственных и духовных сил в людях, окружающих его; кто-то другой, обладающий большими силами и действующий в благоприятных обстоятельствах, призван воплотить народные мечты и стремления или также поднять благосостояние народа, или же разрешить вопросы политики и религии. Жизнь человека — это призвание, поэтому долг — это высший закон. Продвижение вперед будет возможно только тогда, когда человек поймет свое призвание и выполнит свой долг». Долг перед собой, главное, перед Отечеством. На подобное толкование Улманиса вдохновили герои как итальянского национального пробуждения 19 столетия — Джузеппе Мадзини, Джузеппе Гарибальди, первый премьер-министр Италии граф Камилло Бензо ди Кавур, так и диктатор Италии тех лет Бенито Муссолини(!).

Накануне 20-летия Латвийской государственности 13 ноября 1938 года в газете «Latvijas kareivis» (Защитник Латвии) проф. Синайский опубликовал статью «Pilsonis — karavīrs» (Гражданин — солдат). В ней можно прочитать следующее: «Греческий философ Аристотель сказал, человек общественное существо, и все мы знаем, что это правильно, вне общества человек не в состоянии жить. (...) Само общество — это связь между людьми — один за всех и все за одного. Это можно также сказать и словами президента страны Карлиса Улманиса: Каждый на своем рабочем месте, но все для блага страны, и это означает, что каждый, занимая свое место в жизни, выполняет свое гражданское (государственное) задание. Таким образом, сила людей проявляется в их связях (один за всех и все за одного), тем самым обосновывается место каждого из них в обществе. Естественно, что по своему занимаемому месту в этой общей взаимосвязи люди не могут быть равными. Равенство выражается не равным местом, а должным и лучшим выполнением возложенного задания (обязанности), и осознанием того, что каждый на своем месте трудится для других, другие на своих местах трудятся ради его блага. Это равенство по обязанности (гражданскому заданию) обосновывает равенство всех в том смысле, что в каждом человеке признается его самоценность (личность)». Человек в демократическом, сплоченном обществе не может стать орудием, средством, «поскольку у предметов (средств) не имеется собственной цели». Говоря иначе, писал Синайский, находиться в гражданском сообществе означает занимать в нем место, отвечающее твоим возможностям, выполнять возложенные обязанности ради других, которые также трудятся для тебя согласно известному принципу: один — за всех и все — за одного. Проф. Синайский на излете 1937 года передал бразды правления в редакции журнала «Jurists» своему любимому ассистенту. С 1938 года с номера 1/2 главным редактором «Jurists» стал Константин Чаксте. Но редакция журнала, несмотря на поддержку и заинтересованность К. Улманиса, с трудом находила средства для его издания: с начала 1939 года до мая 1940 года удалось выпустить 11 номеров журнала.

Педагогическая деятельность

Одна из черт Василия Ивановича, оставшаяся в памяти многих, легкость и простота общения с молодыми людьми, которые не были ровней ему по социальному статусу. Синайский несомненно был талантливым педагогом, умевшим притягивать, располагать к себе тех, кто стремился получать не только практические знания в области юриспруденции, последовательно растил научные кадры ЛУ, бережно относясь к тем, кто подавал надежду. Вокруг профессора собиралось на научные семинары, обсуждения человек 20. То были студенты последних курсов, ассистенты, приват-доценты, докторанты. За круглым столом 2 раза в месяц по 4 часа шло массированное обсуждение научных проблем, рассмотрение юридических казусов. Студентам, желавшим научиться вдумчиво постигать право — науку о добром и справедливом, необходим был Синайский.

Напротив, категория студентов со «стажем» в нем не нуждалась, поскольку им требовались всегда только прикладные знания, лектор с теоретическими выкладками их тяготил. Об этом вспоминала Н.В. Синайская, ссылаясь на воспоминания бывших студентов отца: «То, что привлекало студентов в лекциях и семинарах Василия Ивановича, отпугивало их от его экзаменов. Экзаменационные вопросы никогда не ограничивались текстом учебников или содержанием лекций. Студенты должны были показать не только знание предмета, но и способность юридически мыслить. Разумеется, примитивная зубрежка была недостаточной подготовкой (...). Экзамены были устные, и их можно было держать или у самого профессора Синайского, или у молодого профессора, его ассистента, к которому стремилось большинство студентов, ввиду того, что у профессора Синайского можно было вызубрить весь предмет и все-таки провалиться». Профессор мог поставить перед студентом вопрос, к примеру: «Если бы наше (латвийское) законодательство приняло бы в чистом виде такой-то закон римской догмы ..., каков был бы практический результат? Мог бы этот закон функционировать в наше время? Должны ли были или нет ввести этот закон? Почему? Дайте мне Ваш анализ»³⁹.

Лина Бирзиня написала в своих воспоминаниях: «Три года я усердно слушала лекции профессора В. Синайского, мне кажется, что он мне дал больше по сравнению со всеми другими преподавателями. Большое значение имело то, что профессор Синайский очень любил свои предметы»⁴⁰. В 1949 году известный историк Арвед Швабе, ото-звался некрологом на смерть уважаемого профессора в шведской газете «Latvija»: «В первые годы существования Латвийского университета Синайский был единственным доктором права, и только у него латышским юристам была возможность получить научную степень. В.С. [Василий Синайский] заботился о подготовке молодых преподавателей и с этой целью оставил на кафедре Константина Чаксте, специализировавшегося по гражданскому праву, Арведа Швабе, специализировавшегося по истории права, и Виктора Калныня, специализировавшегося по римскому праву»⁴¹.

Формирование научной смены проходило не только в стенах ЛУ. Редакционная атмосфера журнала «Jurists» способствовала тому, что молодые юристы становились

единомышленниками, помощниками главного редактора. В разные годы ему помогали недавние студенты Латвийского университета, делавшие самостоятельные шаги в стенах *Alma mater*, в адвокатских фирмах, на судебном поприще — Константин Чаксте⁴², Николай Винзарайс⁴³, Александр Паварс⁴⁴, Лотар Шульц⁴⁵, Карлис Викманис⁴⁶. У каждого из них солидный список публикаций в журнале «Jurists». Кроме этих молодых ученых на страницах издания «Jurists» наряду с именитыми профессорами, сенаторами, адвокатами могли публиковать свои дипломные работы, первые самостоятельные исследования молодые юристы. Назову несколько имен: кандидат права Ольга Юрковская поместила отчет о первом конгрессе Латвийских юристов (1932, № 1). Кандидат права Александра Лапса-Розите в 1939 году в нескольких номерах журнала публиковала работу, тематически близкую к исследованиям проф. Синайского — «Правовой элемент в латышских народных поговорках». Младший ассистент ЛУ Эдмунд Томсон предложил читателям статью «Международная академия в Гааге и ее деятельность в 1939 году» (1939, № 6), а магистр права Ирена Грасмане размышляла о проблемах хулиганства (1940, № 2/3).

В ноябре 1936 года юридический факультет Латвийского университета торжественно отметил 60-летие и 30-летие научной деятельности проф. Синайского. Его ученик и помощник Александр Паварс поместил отчет о мероприятия в газете «Сегодня» 1936 (№ 322), особо подчеркнув вклад профессора в латвийскую юридическую мысль, вклад в воспитание новых кадров и активную научную деятельность. К юбилею Александр Паварс составил и опубликовал библиографию проф. Синайского⁴⁷.

Исторические бури уготовили единомышленникам профессора разные судьбы: одни испытали репрессии со стороны разных политических режимов (К.Чаксте, Н. Винзарайс), другие в Латвии и за ее пределами продолжили университетскую карьеру (Л. Бирзиня, А. Паварс, Л. Шульц). О судьбах успешных и трагических студентов юристов Латвийского университета межвоенного периода опубликована уникальная книга. Ее автор так же студент проф. Синайского, магистр права Леонард Лапиньш. Рукопись книги, над которой он работал в архивах много лет, при содействии главы «Фонда имени сенатора Августа Лебера» проф. Андрея Лебера в 1999 году в Риге увидела свет: *Latvijas universitātes tautsaimniecības un tiesību zinātņu fakultātes tiesību zinātņu nodalģas absolventu dzģves un darba gaitas (1919 — 1944)*.

Ученик академика С. Виноградова и иконописца П. Софронова

Будучи одаренным человеком, Синайский увлекался живописью, дружил с рижскими художниками. Осенью 1922 года на выставке картин профессор случайно разговорился с молодым студентом-художником Е.Е. Климовым⁴⁸. Дружба связала их на долгие годы. (Кстати, первая встреча с далеким прошлым началась для Наталии Васильевны Синайской на выставке работ Е. Е. Климова, открывшейся в мартовские дни 1990 года в Латвийском Государственном художественном музее.)

По воспоминаниям Евгения Климова, Василий Иванович увлекался акварелью, карандашными рисунками. «Масляная живопись давалась ему с трудом», — констатировал Климов. Он поступил даже в студию академика Сергея Арсеньевича Виноградова, который окончательно обосновался в Риге осенью 1924 года. Кроме того, Синайский специально ездил в Париж, где «занимался под руководством художника Андре Лота, но так и не смог преодолеть трудностей техники масляной живописи. В маленьких акварелях он передавал виды неба, моря, земли»⁴⁹.

Живопись давала ему отдохновение от напряженных лекций, семинаров, научной работы. В рижских библиотеках еще можно найти проспекты, каталоги выставок тех далеких лет. Так с 4 по 18 мая 1930 года в рижском салоне Я. Алтберга по адресу Кришьяна Барона, 4, прошла большая выставка русских художников. Она была приурочена к традиционным Дням русской культуры. Свои картины на суд зрителей вынесли академик Н. Богданов-Бельский, Н. Андабурский, Э. Прен, Е. Климов, Н. Казацкий, И. Хайт, Е. Нестерова, Г. Матвеев и др. Среди участников значилось имя Н. Синайского, который выставил на суд зрителей 5 своих работ: «Летнее утро», «Осень», «Февраль», «Мартовский день», «Ворота в Печорах»⁵⁰.

Чуть позже, с 1 по 15 июня 1930 года на бульваре Аспазияс, 4, кв. 4 прошла выставка работ учеников академика С. Виноградова⁵¹. Был выпущен каталог — «*Akadēmiķa S. Vinigrģdova skolnieku darbu izstģde*». Среди участников был и В. Синайский, представивший зрителям работу под названием «Череп». В 1932 году в газете «Сегодня» в номере 275 была напечатана картина Синайского «Зимний вечер».

По сведениям Владимира Никонова, Иван Никифорович Заволоко в 1928 году организовал курсы иконописи. Среди активных учеников значились имена В. И. Синайского, Е. Е. Климова⁵². Как сообщала в своих письмах Татьяна Косинская, Синайский и Климов занимались с 1929 года у известного мастера иконописца-старовера П. М. Софронова⁵³. Написанные профессором иконы Пресвятой Богородицы и св. Ксении были вывезены им в Прагу, затем в Бельгию. Обе иконы переданы в одну из православных церквей.

В сопровождении друзей-художников Сергея Виноградова и Евгения Климова⁵⁴ профессор не раз выезжал в паломнические поездки и на пленэры за пределы Латвии — в Эстонию, Италию. В результате этих поездок рождались не только картины (хотя к своим картинам Синайский относился с большой долей иронии), но научные статьи, книги. На территории Эстонии в 1920-1930-х годах оказался один из древнейших православных мужских монастырей Псковской земли. В этих поездках профессор не только молился, но и запечатлевал красоты Псково-Печерского монастыря, обдумывал страницы будущей книги о монастыре. Профессор создавал эту работу, вдохновившись мыслями любимого писателя Ф. М. Достоевского о том, что культура есть воплощение в земной среде божественного начала. Если нечего воплощать или если негде воплощать, то есть если нет Бога или среды для Него, то культура умирает. Ведь мало признать Бога — надо еще создавать почву, жаждущую Его вопло-

щения. Говоря иначе, чтобы культура сохранялась, в ней должно иметь «святую землю», духовную почву, куда снова может прийти Христос. Это издание «Псково-Печерский монастырь» (Рига, 1929) давно стало библиографической редкостью. В оформлении издания принял участие классик русской живописи академик Сергей Виноградов.

Вместо заключения

Летом 1944 года исторические события вынудили проф. Синайского с супругой Ксенией Алексеевной переехать в Прагу, где уже находилась их дочь⁵⁵. В 1945 году перебрались в Бельгию, где не прекращал занятия любимой наукой, проводя долгие часы в библиотеках Брюсселя. Свое последнее пристанище он нашел на Лесном кладбище близ Брюсселя, простившись с миром 21 сентября 1949 года.

Если задать вопрос о наследии Василия Синайского, то оно действительно велико. Опубликованные работы можно прочитать на русском, латышском, французском и других языках. В Синайская, возможно, не хотела обидеть знакомых, друзей, поэтому одного единственного наследника так и не выбрала ни в Бельгии, ни в Латвии. Неподалеку от Риги в Лиелварде дача с большим участком земли отошла в частные руки с условием, что будет в этом доме открыта мемориальная комната проф. Синайского. Новые владельцы об этом, естественно, запамятовали. Судьба трогательных акварелей ученого, хранившихся в частных руках, остается неизвестной, скорей всего они погибли. Архив профессора в Брюсселе предполагалось передать в Фонд Льва Шестова в Шотландии (о чем неоднократно говорила, писала Н. В. Синайская). Но вместо этого архив Василия Ивановича через считанные недели после ее кончины оказался на блошином рынке столицы Европейского Союза, где его удачно узрел бывший рижанин Иван Пауков. Чуть позже архив перекочевал в Ригу в частные руки⁵⁶.

титумом философии и права АН ЛССР. В 1990 году состоялась моя первая публикации о профессоре Синайском: Светлана Ковальчук. Истинный путь — путь общечеловека (о В. И. Синайском) // Наука и мы, 1990, № 8. Сотрудник Института Марис Вецвагарс в «Вестнике АН ЛССР» за 1991 год № 9 поместил не только свою статью о Синайском, но и найденный в рукописном фонде библиотеки Я. Мисиня материал Артура Озолса, который в 1948 году жестко критиковал исследования латышского фольклора Синайским. См. более подробно: Vecvagars M. Profesors Vasilijis Sinaiskis: tiesību (kultūras) ontoloģija // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1991. № 9; Ozols A. Prof. V. Sinaiska folkloristikā darba metodoloģijas kritika // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1991. № 9. Также в этом номере были опубликованы воспоминания Н. В. Синайской об отце. Вскоре состоялось переиздание книги В. И. Синайского Жизнь и человек. (2-е издание) Рига, Институт философии и социологии, 1992.

⁵ Автору статьи не раз довелось писать о профессоре Синайском. Только в последние два года опубликованы материалы в сборниках: Выдающиеся русские латвийцы. Биографический справочник. Рига, IK ZORIKS, 2008. С. 74 — 75; Svetlana Kovaļčuka. Tiesību filosofija Latvijā XX. gs. 20. — 30. gados: A. Lēbers, V. Sinaiskis, M. Lazersons, L. Šulcs // Filosofiskās idejas Latvijā, Eiropas vērtības un latviskā identitāte / Letonikas otrais kongress, raksti. Rīga, LU FSI, 2008. — 297. — 308. lpp.; Svetlana Kovaļčuka, Ksenija Eļtazarova. Bez kultūras nav tiesību, bez tiesībām nav īstas dzīves. Professora Vasilija Sinajska nāves 60. gadadienu pieminot // Jurista Vārds. 29. septembris 2009, № 39. — 12. — 17. lpp.; S. Kovaļčuka. Latvijas Universitātes profesors Vasilijis Sinaiskis: žurnāla „Jurists” (1928 — 1940) izdevis // Intelektuālais mantojums Latvijā: filosofija un reliģija / Letonikas trešais kongress, raksti. Rīga, LU FSI, 2009. — 97. — 109. lpp.

⁶ В 1997 году в Риге впервые был издан сборник стихов профессора, которые ранее не предназначались им для широкой публики. Он их писал для себя и для своей супруги Ксении Алексеевны. Синайский В. И. Стихи. Рига, SIA JUMI, 1997.

⁷ Синайский в Латвии также вступил в адвокатское сословие. См. более подробно: Sinaiskis Vasilijis // Latvija advokatūra. Zvērināti advokāti un zvērīnātu advokātu palīgi biogrāfijas. 1919 — 1945. Biogrāfiskā vārdnīca. (Sastādītāji Ē. Jēkabsons, V. Šcerbinskis). Rīga, Latvijas Vēstnesis, 2007. — 445. — 446. lpp.

⁸ Библиография проф. В. Синайского составлена его ассистентом Александром Паварсом: Pavārs A. Professoris atque juris doctoris Basiliū Sinaiski Opera (1907 — 1938) // Latvijas universitātes akadēmiskās sabiedrisko zinātņu biedrības rakstu krājums. Rīga, a/s Valters un Rapa, 1939. II. sējums. Дополнительную литературу о Синайском можно найти: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917 — 1944 гг. Био-библиографический справочник. Stanford, Stanford univ. press, 1990. — Т. 3.

⁹ Синайская Н. В. Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского. Рига, РГСО, 1998.

¹⁰ Kovaļčuka S. Krievu universitātes kursi // Zinātne un mēs, 1990, № 11.; Ковальчук С. Из истории высшей школы в довоенной Латвии: евреи на русских Университетских курсах в Риге (1921—1937) // Евреи в меняющемся мире. Рига, Фонд «Шамир» им. М. Дубина, 2003.

¹¹ Гостеприимный дом профессора стал местом собрания его любимых учеников, единомышленников, где за большим столом и кружкой чая обсуждались научные проблемы. Жил профессор в доме по улице Дзирнаву 31 (или Антонияс 15-а), ставшим в те годы

¹ Биография профессора, д-ра права Василия Ивановича Синайского. Библиография основных научных трудов // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1980, Т. 13. — С. 196 — 204.; Синайский В. И. К проблеме терминологического языка, его образов и понятий (концепций) о древнем знании, мудрости и премудрости. (Исследование на основании Псалтири и Апостольских посланий, преимущественно Апостола Павла) // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1985. Т. 18. — С. 259 — 301; Синайский В. И. Пушкин о праве // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1987. Т. 20. — С. 197 — 206.

² Pachmuss Temira. Sinaiski, Vasily Ivanovich (1876 — 1949) // Russian literature in the Baltic Between the world Wars. Columbus: Slavica Publishers, 1988. — pp. 87 — 90.

³ Birziņa L. Professora Vasilija Sinaiska zinātniskā un pedagoģiskā darbība. Rīga, P. Stučkas LVU, 1989.

⁴ С того первого приезда Наталии Васильевны у нас сложились личные дружеские отношения, началось ее сотрудничество с Инс-

местом проживания преподавателей ЛУ — востоковеда П. Шмит, химика, последнего министра образования ЛР Ю. Аушкапа, философа П. Юревича, юриста К. Чаксте и многих др. В этом же доме располагалась также редакция журнала „Jurists”. См. более подробно: Ковальчук С. Дом на перекрестке судеб // СМ-Сегодня, 1994, 21 сентября.

¹² Журнал „Закон и Суд” выходил в Риге на русском языке с 1929 до 1938 года.

¹³ Ковальчук С. Судьба журнала «Закон и Суд» (1929 — 1938) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, Даугава, 1999. — Т. 4. — С. 88 — 103; Ковальчук С. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // Евреи в меняющемся мире (материалы 3-й международной конференции). Рига, Фонд «Шамир» им. М. Дубина, 2001. — С. 486 — 494.

¹⁴ Кипп Т. История источников римского права. СПб., 1908. С. 7 — 8. Kipp, Theodor. Geschichte der Quellen des Römischen RechtsSaarbrücken. VDM Verlag Dr. Müller, 2007, unveränd. Aufl.

¹⁵ Birziņa L. Professora Vasilija Sinaiska zinātniskā un pedagoģiskā darbība. Rīga, P. Stučkas LVU, 1989; Birziņa L. Latvijas universitātes tiesibzinātnieki. Tiesiska doma Latvijā XX gadsimtā. Rīga, Apgāds Zvaigzne ABC, 1999.

¹⁶ Квириты — (лат. Quirites) в Древнем Риме эпохи республики название граждан, употреблявшееся обычно в официальных обращениях (Populus Romaus Quiritium). Термин «квириты» считают производным от *coviria* (курия, мужской союз). С расширением государственных владений квиритское (римское) право стало основой для гражданского законодательства в период республиканского правления в Риме.

¹⁷ Возможно, Синайский вспомнил факт из истории Римской империи 426 года, когда был принят «Закон о цитировании» и труды пяти наиболее авторитетных юристов были признаны в качестве основных законодательных текстов.

¹⁸ Синайский В. И. Основы гражданского права. Рига, а/о Валтерс и Рапа, 1931. — С. 7.

¹⁹ О философско-правовой концепции Владимира Соловьева емко написал В. С. Нерсисянц в своей работе: Философия права. М., Норма, 2006. — С. 690 — 700.

²⁰ Кистяковский Б. А. В защиту права. Вехи. Из глубины. М., Правда, 1991. — С. 122.

²¹ Более подробно: Синайский В. И. Основы гражданского права. Рига, а/о Валтерс и Рапа, 1931. — С. 9.

²² Sinaiskis V. Neatliekams darbs pilsoņiem, sevišķi juristiem. Jurists. — 1928.g. № 5.

²³ Sinaiskis V. Tiesības viņu attiecības pret kultūru un civilizāciju // Jurists. — 1929. № 1. — 4. lpp.

²⁴ Sinaiskis V. Tiesības viņu attiecības pret kultūru un civilizāciju // Jurists. — 1929. № 1; Sinaiskis V. Civiltiesiskā sabiedrība kā civiltiesību zinātnes priekšmets un viņas veidi. Jurists. — 1931.g. № 4; Sinaiskis V. Professors Eižens Hubers (1849. — 1923.) par civiltiesību kodifikācijas uzdevumiem (E. Hubera piemiņai) // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis, 1925. — № 4; Sinaiskis V. Personība un personiskās tiesības jaunajā civillikumā // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis, 1937.

²⁵ Синайский В. И. История источников римского права. Варшава, 1911. — С. 59.

²⁶ Svetlana Kovaļčuka. Tiesību filosofijā Latvijā XX. gs. 20.–30. gados: A. Lēbers, V. Sinaiskis, M. Lazersons, L. Šulcs // Filosofiskās idejas Latvijā, Eiropas vērtības un latviskā identitāte / Letonikas otrais kongress, raksti. — Rīga, LU FSI, 2008. — 297. — 308. lpp.;

²⁷ Нерсисянц В. С. Философия права. М., Норма, 2006. — С. 28 — 30.

²⁸ Синайский В. И. Основы гражданского права. Рига, а/о Валтерс и Рапа, 1931. — С. 174.

²⁹ Sinaiskis V. Latviešu poētiskie dabas vērojumi // Latvju Tautas Dainas. Rīga, Literatūra, 1928. I. sējums; Sinaiskis V. Sakrālās tiesības un Latvijas civillikumu kopojums // Jurists. — 1933. — 1934, № 50 — 53; Sinaiskis V. Juridiskā folklorā // Jurists. 1931. № 31/32 — 33/34; Sinaiskis V. Latviešu senā sabiedriskā iekārta tautas dziesmu spogulī // Tautas vēsturei. Veltījums profesoram A. Švābem. Rīga, A. Gulbis, 1938.

³⁰ В 1938 году в номере ½ была опубликована библиография журнала «Jurists» за 1928 — 1937 год.

³¹ См. более подробно: Mūsu mērķi // Jurists. — 1928. № 1.

³² Абызов Ю., Фейгман Т. Неправый суд над правоведом П. Н. Якоби // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 4. — Рига, Даугава, 1999. С. 104 — 139. Так, перу П. Н. Якоби принадлежало «Практическое руководство к составлению обвинительных актов и заключений» (Рига, 1937); «Золотые струны» (Рига, 1929) — сборник стихов, составленный из ранее опубликованных в авторских книжках в Петербурге и Витебске.

³³ В 1939 году были опубликованы воспоминания Г. Рубинштейна «Записки старого адвоката» [Б. М.]: [Б. И.], 1939.

³⁴ Vaintrobs M. Tiesību ētiskā izpratne // Jurists. — 1928. № 3. — 78. lpp.

³⁵ Статьи Л. Шульца: Tiesības kā ētikas minimums. — Rīga, 1936; Tiesību filozofijas attiecības pret pozitīvo tiesību zinātni // Jurists. 1933. — Nr.4./5; Dabisko tiesību jēdziens // Jurists. — 1937. № 1./2.

³⁶ Akmentiņš R. Latvijas Satversmes reforma // Jurists — 1934. № 56, 57.

³⁷ Ковальчук С. Судьба журнала «Закон и Суд» (1929 — 1938) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. — Рига, Даугава, 1999. — Т. 4. — С. 97.

³⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.; Л., 1929. — С. 210.

³⁹ Синайская Н. В. Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского. Рига, РГСО, 1998. — С. 64.

⁴⁰ Birziņa L. Professora Vasilija Sinaiska zinātniskā un pedagoģiskā darbība. Rīga, P. Stučkas LVU, 1989. 19. lpp.; см. также: Birziņa L. Latvijas universitātes tiesibzinātnieki. Tiesiska doma Latvijā XX gadsimtā. Rīga, Apgāds Zvaigzne ABC, 1999.

⁴¹ Арвед Швабе (1888 — 1959) — профессор ЛУ, известный латвийский историк, историк права. Долгие годы его связывали научные и дружеские отношения с проф. Синайским. Švabe A. Ievērojama jurista piemiņai. Vasilijis Sinaiskis 1876 — 1949 // Latvija. 1949, 12 oktobris. См. более подробно о проф. А. Швабе: Birziņa L. Latvijas universitātes tiesibzinātnieki. Tiesiska doma Latvijā XX gadsimtā. Rīga, Apgāds Zvaigzne ABC, 1999.

⁴² Константин Чаксте родился в 26 июля 1901 года в семье будущего первого президента Латвии Яниса Чаксте. Получил среднее образование в Елгаве. В 1925 году окончил факультет Народного хозяйства и права ЛУ, отделение права. Получил дополнительное образование в университетах Парижа, Брюсселя. С 1928 года стал младшим ассистентом отделения права ЛУ, а в 1938 году после защиты соответствующих диссертаций занял должность чрезвычайного профессора, читал торговое и гражданское право. Был ассистентом Синайского, а с 1 января 1940 года его ассистенткой стала Н. В. Синайская. Публиковался в журналах «Tieslietu Ministrijas Vēstnesis», «Jurists». Во время Второй мировой войны

входил в Риге в организацию сопротивления, а с августа 1943 года избран председателем Латвийского центрального совета. Погиб 21 февраля 1945 года в концентрационном лагере Штутхоф. См. более подробно о проф. К. Чаксте: Birziņa L. *Latvijas universitātes tiesībzinātnieki. Tiesiska doma Latvijā XX gadsimtā. Rīga, Apgāds Zvaigzne ABC, 1999.*

⁴³ По сведениям Волдемара Эйхенбаума, магистр права Винзарайс Николай Яковлевич родился 13 ноября 1905 года в Риге в семье известных рижских учителей. В 1925 году окончил среднюю школу, которая принадлежала его матери Наталии Винзарайс-Вершканской. В 1929 году окончил факультет Народного хозяйства и права ЛУ, отделение права, получил степень кандидата права. Также закончил в 1928 году Институт английского языка в Риге. С 1925 года начал работать в основной, затем и в средней школах своей матери в качестве учителя географии и английского языка. С 1931 года до 1940 года работал в качестве мирового судьи в Рижском Окружном суде и в Валмиере. В 1940 — 1941 годах работал в Министерстве юстиции юрисконсультom. Публиковался в журналах «Tieslietu Ministrijas Vēstnesis», «Jurists». В 1941 подвергся аресту и высылке. По возвращению в Латвию работал юристконсультom в Риге и Огре. Скончался 17 января 1978 года в Огре.

⁴⁴ Александр Паварс родился 23 января 1893 года в Риге в купеческой семье. Окончил в 1913 году в Риге русскую Александровскую гимназию. До 1916 года учился в Московском университете на историческом факультете, но обучение пришлось прервать из-за призыва в ряды действующей армии. Осенью 1920 года вернулся в Латвию, вскоре занял должность помощника Национальной библиотеки, которую занимал до 1932 года. С осени 1921 года до 1927 года учился на факультете Народного хозяйства и права ЛУ, отделении права, получил степень кандидата права. С 1932 года начал карьеру в качестве адвоката и преподавателя ЛУ. Стал ассистентом профессора Синайского. С 1934 года начал сотрудничать с журналом «Jurists». После окончания Второй мировой войны заведовал кафедрой гражданского права и гражданского процесса, был заместителем декана факультета ЛУ. Последние работы в области наследственного права опубликовал в конце 1960-х годов. Скончался 22 июня 1971 года. См. более подробно о доценте А. Паварсе: Birziņa L. *Latvijas universitātes tiesībzinātnieki. Tiesiska doma Latvijā XX gadsimtā. Rīga, Apgāds Zvaigzne ABC, 1999.*

⁴⁵ Лотар Шульц родился 30 ноября 1904 в семье зажиточного крестьянина в Видземе. Окончил в Риге 2 среднюю школу. С 1922 года учился в ЛУ, изучал философию, право. Получил две степени магистра по философии и праву. В 1931 — 1934 годах учился в университетах Праги и Парижа. С 1933 года начал преподавать в ЛУ, занимался адвокатской практикой. Публиковался в журналах «Tieslietu Ministrijas Vēstnesis», «Jurists». В 1943 — 1944 годах был деканом факультета Народного хозяйства и права. С 1945 года в должности профессора начал преподавать в Геттингенском университете курс восточноевропейского права. Преподавал в университетах Мюнстера и Килья, Сиракузском университете США. Скончался 17 июня 1994 в Геттингене.

⁴⁶ Карлис Викманис родился 10 ноября 1898 в Риге в семье рабочего. Получил степень магистра права. Еще будучи студентом занялся адвокатской практикой в адвокатской фирме Германа Риха в Риге. С 1927 года по 1935 год служил мировым судьей в Риге. С 1928 года до середины 1935 года помогал проф. Синайскому в издании журнала «Jurists». Публиковался в журналах «Tieslietu

Ministrijas Vēstnesis», «Jurists». С 1935 года был членом Даугавпилсского Окружного суда. Скончался в 1939 году.

⁴⁷ Pavārs A. *Professoris atque juris doctoris Basillii Sinaiski Opera (1907 — 1938) // Latvijas universitātes akadēmiskās sabiedrisko zinātņu biedrības rakstu krājums. Rīga, a/s Valters un Rapa, 1939. II. sējums.*

⁴⁸ Климов Е. Е. Встречи. Рига, Улей, 1994.

⁴⁹ Климов Е. Е. Встречи, С. 13.

⁵⁰ Krievu mākslinieku izstāde. Выставка русских художников. J. Altberga mākslas salons. Rīgā, 1930.

⁵¹ Виноградов С. *Прежняя Москва / Автор-составитель Н. И. Лапидус. Рига, Multicentrs, 2001; Лапидус Н. Сергей Виноградов // Покровское кладбище. Слава и забвение / Составители С. Видякина, С. Ковальчук. Сборник статей. Рига, Multicentrs, 2004.*

⁵² Никонов В. В. *Староверие Латгалии. Очерки по истории староверческих обществ Режицкого и Люцинского уездов (2-я половина XVII — 1-я половина XX вв.). Резекне, издание Резекненской кладбищенской старообрядческой общины, 2008. — С. 121.*

⁵³ Балтийско-русский сборник. // *Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из Архива Гуверовского института / Под ред. Л. Флейшмана, Б. Равдина. Книга 2-ая. Stanford, Stanford univ. press, 2007. — С. 106.*

⁵⁴ Климов Е. Е. *Избранные работы (составитель А. Е. Климов). Рига, 2006; Климов Е. Е. Русские художники (составители М. В. Салтупе, Л. А. Рудзите, Т. Д. Фейгмане). Рига, 2002; Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.. Художники русского зарубежья. Биографический словарь. С—Петербург, Нотабене, 2000.*

⁵⁵ Наталия Синайская родилась в Киеве 1 февраля 1914 года, была крещена в киевском православном храме Благовещения Пресвятой Богородицы. Наталия Синайская поступила в Риге в старейшую рижскую частную русскую женскую гимназию Л. И. Тайловой, которую окончила в 1931 году. Затем последовал следующий важный этап — блестящая учеба в Латвийском университете на юридическом отделении Факультета народного хозяйства и права. Защита дипломной работы «Юридическая природа торговой фирмы» дала возможность получить в феврале 1938 года степень кандидата юридических наук. С окончанием университета началась юридическая практика. К тому же Наталия Васильевна в январе 1940 года стала ассистенткой профессора Константина Чаксте, который сам когда-то был ассистентом В. И. Синайского. Во время войны Н. Синайская продолжала работу в университете, весной 1944 года отправилась в научную командировку в Прагу в библиотеку Карлова университета. Живя в Бельгии, Наталия Синайская училась в Академии международного права в Гааге, на Международном факультете сравнительного права университета Страсбурга. В 1958 году окончила Отделение славянской филологии и истории университета Брюсселя и получила звание лиценциата. Занимала должность профессора русского языка Коммерческого института Брюсселя. Долгие годы в качестве специалиста в области таможенного и налогового права работала в структурах ЕС. Выйдя в 1979 году на пенсию, успешно продолжала как исследования, публикации в области славистики, так и педагогическую практику.

⁵⁶ Дименштейн Илья. Брюссельская «блошка» // *Вести Сегодня. 2009, 2 марта, № 49.*